

Найти студию оказалось несложно. Просторный, но при этом сумрачный павильон загромождала техника, кабели. Вышедший навстречу парень в ковбойке велел подождать у софита, о который она едва не споткнулась. В луче света перед камерой, взобравшись на табурет, отчаянно жестикулировала хрупкая рыжеволосая женщина. На нее невозмутимо взирал тип в сдвинутой на затылок бейсболке, который восседал на складном стуле, как на троне: должно быть, режиссер или еще какая-то шишка, подумала она, заметив вокруг него рой благоговеющих ассистентов. Охранник, маячивший рядом, внезапно исчез, и она снова ощутила себя робкой школьницей. Как всегда.

— Эй, красотка, а тебя как зовут? — поинтересовался один из ассистентов.

— Аличе, — едва слышно выдохнула она.

— Давай, Аличе, твой выход.

Рыжеволосая закончила, значит теперь ее черед. Трепеща, она доплелась до табурета. Луч прожектора слепил глаза.

— Сядь там, смотри в камеру. По сигналу можешь начинать. Понятно?

— Синьорина, смотреть нужно вот сюда! — выкрикнул кто-то.

Из-за бьющего прямо в лицо софита она ничего не видела.

— Так, немного правее!

Она повиновалась и, ориентируясь на огонек камеры, чуть сменила позу.

— Ну-с, поглядим... Расскажи нам что-нибудь, Аличе, что захочешь. Расскажи о себе. Давай! — велел тот, что походил на режиссера.

— Проба Аличе, дубль первый. Мотор! Хлопушка! — послышалось из темноты.

— Ой! Я... я...

— Стоп! Нет, так не пойдет! Ты голову опустила. Смотреть нужно прямо в камеру, ясно? — Голос режиссера полоснул резко, словно бритва.

Аличе застыла, еще секунда — и расплещется.

— Погодите, у нее лоб блестит. Мари, поправь, — вмешался новый голос.

Откуда-то сзади вынырнула девушка в нелепой жилетке с десятком карманов, из которых возникли пуховка и пудра. Аккуратно промокнув Аличе щеки и лоб, девушка достала щетку и пригладила ей волосы. А прежде чем снова исчезнуть, метнула на нее понимающий взгляд и прошептала:

— Говори, как с подругой. Или с мамой. Ты и она, никого больше — вот и весь секрет.

Разумеется, гримерша думала ее успокоить, но упоминание о матери вызвало у Аличе прямо противоположную реакцию. Услышав уже знакомый голос, подавший сигнал, она старалась не отрывать взгляда от камеры, но видела только Аделаиду, женщину, которая произвела ее на свет. Свою мучительницу. И поток слез, еще мгновение назад грозивший поглотить ее, вдруг отступил, а вместо него прорвался могучий, неудержимый гнев.

— Я так и не смогла сказать тебе, как сильно, сама того не сознавая, желала твоей любви. То и дело заходила на кухню, но ты меня прогоняла — у тебя ведь всегда была куча дел поважнее. Однажды принесла рисунок — ты на него даже не взглянула. Ночами я рыдала, сжавшись в комочек под одеялом, потому что боялась темноты, — в наказание ты заставляла меня спать на полу. Я очень рано научилась скрывать от тебя свои мечты — ты порвала бы их в клочья; не высказывала вслух ни единого желания, чтобы ты меня не осмеяла. Все детство я искала в твоём мрачном взгляде проблеск улыбки, но видела только порицание, ненависть, отвращение. Ты смотрела на меня как на червяка или мокрицу, мерзость, ничтожество, и в конце концов я и сделалась такой, какой меня видела ты: недостойным, неуклюжим, неуместным созданием. Мне было

трудно принять, что для тебя я все делаю не так. Но как же иначе? Ведь я пришла в этот мир, чтобы разрушить твою жизнь. Однако от каждой болезни есть лекарство. Покинув твой дом, я наконец-то начала жить, дышать. Я уже не ребенок, я больше не ползаю — я встала на ноги...

Аличе на миг умолкла, словно заблудившись в собственных воспоминаниях, но тут же продолжила:

— Матерью называют ту, кто растит тебя в любви, кто пестует твои мечты и направляет первые шаги. Ту, кто поет песенки, чтобы ты уснула, кто держит тебя за руку, чтобы придать смелости, когда ты испугаешься буки, притаившегося в ночи. Ты для меня ничего подобного не делала. Иметь такую дочь было несчастьем для тебя — но и для меня это тоже было несчастьем. Так что теперь ты свободна: все равно я понятия не имею, что делать с такой матерью.

Слова, которые Аличе держала в себе бог знает сколько времени, она произнесла твердо, четко, а замолчав, почувствовала себя такой свободной и легкой, словно ничто больше не имело для нее ни малейшего значения.

Тишина в павильоне вдруг стала почти осязаемой. Потом кто-то захлопал в ладоши, за ним другой, третий...

I

6 августа 1978 года. Весь день лило без устали, что было несколько странно для самого разгара лета. Аличе укрылась на кухне: где еще в такой час спокойно помечтать, чтобы ни мать, ни брат Гаэтано не донимали? Аделаида все никак не могла взять в толк, как это шестилетняя девчонка может часами сидеть молча, рассеянно глядя по сторонам, вместо того чтобы играть с братом или в крайнем случае пялиться в телевизор. Сплошная нервотрепка с этим отродьем: никогда не знаешь, что у нее в голове. А до чего бестолковая! С другой стороны, кашу заварить, да такую, что и не расхлебаешь, много ума не надо.

Внимание Аличе привлекло влажное пятно на потолке, и она замерла, завороченно наблюдая: оно напоминало летящего дракона. Доброго дракона, решила она. Ей часто случалось задерживать взгляд на том, что для всех остальных не имело особого значения. Она тотчас представила, как взмывает в небо на спине этого фантастического существа, как летит меж

золотых облаков и радуг, но восторг быстро угас. Казалось, этот день никогда не кончится.

И вдруг дождь перестал. Налетевший ветер, мощный и жаркий, сдул тучи, словно пыль, а на небе, осветив все вокруг, снова засияло солнце — будто и не уходило никуда. Аличе, раскрыв рот, следила из своего угла, как разноцветные блики танцуют в мерно падающих с водосточного желоба каплях. И тут послышался женский голос:

— Эй, народ! Есть кто дома?

Появление гостыи всколыхнуло монотонное течение дня, и это, если подумать, тоже было несколько странно, поскольку посетители, тем более неожиданные, к семейству Филанджери почти не являлись. Аделаида зарабатывала шитьем — в основном штопала и перелицовывала изношенное старье, — но ее клиенты всегда предупреждали о приходе по телефону: дверной звонок давным-давно не работал. В тот час она строчила на машинке и не сразу поняла, что снаружи кричат. А открыв дверь, даже на мгновение потеряла дар речи, что для такой болтушки было уж совсем необычно.

На пороге стояла миловидная женщина в ярком цветастом платье; ее зеленые глаза, густо подведенные кайалом, подчеркивала короткая челка. Ветер трепал каре цвета воронова крыла, качал массивные золотые серьги.

— Ну здравствуй! Помнишь меня? — спросила незнакомка.

И, не успела хозяйка отпрянуть, стиснула ее в объятиях, да таких крепких, что у Аделаиды перехватило дыхание. Только тут она узнала гостью, хотя они не виделись много лет.

Аделаида была еще ребенком, когда Ирен, которой едва исполнилось двадцать, перебралась в Рим: вышла замуж за богатого старика, а тот через какие-то пару лет был так любезен, что скончался, оставив ей внушительное наследство. Так об этом судачили местные кумушки — те самые, что поспешили распуścić мерзкие слухи о беспутной и расточительной столичной жизни молодой вдовушки, все реже наезжавшей в родной город.

— Какой сюрприз! Проходи, выпьем кофе...

Аделаида отступила на шаг, пропуская неожиданную гостью в комнату. Потом позвала сына и дочь: она знала, что денег у Ирен куры не клюют, а вот детей нет, и собственная плодовитость давала ей приятную возможность отыгаться.

— Гаэтано, Аличе, скорее сюда! Взгляните только, кто зашел к нам в гости!

Те, непривычные к чужакам, опасливо подошли.

— Это давняя подруга нашей семьи, она живет в Риме. Можете звать ее тетей, тетей Ирен!

Она и сама не поняла, почему так сказала, ведь Ирен была просто соседкой. Но едва это слово, «тетя», слетело с ее губ, Аделаида вдруг

осознала, что мысль неплоха: упоминание о кровных узах, пускай и фиктивных, наверняка настроит эту богачку на нужный лад, заставив проявить щедрость.

Ирен рассказала, что приехала в Полиции взглянуть на старинный триптих, что хранится в церкви Успения Богородицы, а заодно воскресить в памяти места своей юности. Сказала, замуж после смерти супруга не вышла. Аделаида вспомнила, как видела ее в последний раз: это было на празднике святого Гандульфы, покровителя города, что приходится на третье воскресенье сентября. Лет восемь, наверное, прошло. Они с Микеле еще не обвенчались, да и о замужестве она тогда еще вовсе не думала: невинное дитя семнадцати лет от роду, сплошь мечты да чаяния. Кто мог знать, что впереди — только ненавистная череда обманов, за которые она и по сей день расплачивается? От теплых воспоминаний Аделаида немного смягчилась.

— Какой же у вас большой, красивый дом! Комнаты сдавать не думали? — вдруг спросила Ирен, расположившись в гостинной.

Аделаида снова рассердилась. Неужто они настолько бедны, что им непременно нужен жилец?

— Это еще зачем? Нет, мы как-нибудь сами, — сухо бросила она.

— Хорошо вам. А дом и в самом деле прекрасный, весь в зелени. Не представляешь, ка-

кая тоска по этим местам меня временами одолевает. Сотни раз уже думала вернуться, но нет, теперь вся моя жизнь в Риме.

Ирен улыбнулась — похоже, ей надо было выговориться, — и Аделаида наконец расслабилась.

Как бы то ни было, поутру гостя сходила в близлежащую церковь Успения Богородицы взглянуть на драгоценный триптих: она смутно помнила, что видела его в детстве, и надеялась освежить в памяти.

Аделаида, которая каждое воскресенье посещала церковь вместе с детьми, вдруг поняла, что никогда и не обращала внимания на этот образ.

— Ну, знаешь, триптих, большой такой, из трех картин? В центре Мадонна держит на коленях младенца Иисуса, а сама книгу читает, — торопливо, скороговоркой подсказала Ирен. — А книга эта — не что иное, как Книга премудрости Божией! Работа, кстати, замечательная, фламандская школа пятнадцатого века, много чудесных деталей. Кто автор — загадка, известно только, что его называли Мастером вышитой листвы, но некоторые сомневаются, что он вообще жил на свете: говорят, не одной рукой написано, несколько художников поработали.

До Аделаиды доходили слухи, что Ирен в этом своем Риме, помимо обладания несметными богатствами, и сама заделалась худож-

ницей, хотя было не очень понятно, что это в конечном счете должно означать. Аделаиде было сложно связать слово «художник», олицетворяющее убожество, нищету и лишения, с очевидным материальным достатком гостя, что вызывало некоторые подозрения. Аличе, напротив, с первой минуты была очарована этой притягательной женщиной, столь непохожей на тех, кого она привыкла встречать. И потому не сводила с новоявленной тети глаз, будто хотела запечатлеть в сознании ее облик, черты лица, движения.

Тетя Ирен словно излучала нездешний свет, способный озарить все вокруг. Смеясь (что случалось часто), она всякий раз запрокидывала голову. Даже запах ее был особенным, а голос — звонким и чистым, как струна. Во время разговора она то и дело всплескивала руками, отчего бесчисленные браслеты на запястьях задорно позвякивали. С одного из них свисали крохотные эмалированные зверюшки: разноцветные рыбки, бабочки, попугайчики.

Удобно устроившись на диване, гостя добрых полчаса болтала без умолку. Ей удалось переговорить даже Аделаиду! Аличе тонула в этом потоке слов, смысл которых от нее по большей части ускользал.

Гаэтано, пристроившись рядом, тоже заинтересованно помалкивал. Однако, когда мать вышла сварить кофе, он следом за ней отпра-

вился на кухню, оставив сестру наедине с Ирен. С минуту они молчали, потом тетя, улыбнувшись Аличе, словно их связывала общая тайна, ни с того ни с сего спросила:

— А скажи-ка, милая, чем тебе нравится заниматься?

Аличе не привыкла, что с ней говорят, как со взрослой, и ненадолго задумалась.

— Придумывать истории.

Будь рядом мама, она, конечно, не осмелилась бы на подобную откровенность, но инстинктивно почувствовала, что этой незнакомой синьоре доверять может.

Тетя Ирен подарила ей ободряющую улыбку:

— Придумывать истории — это замечательно. Знаешь, я и сама так делаю.

— Правда? — не поверила Аличе.

— Конечно. И не только я.

— Но ты ведь взрослая...

— И что с того? Кто в детстве научился придумывать истории, до конца жизни не перестанет. И знаешь почему?

— Нет...

— Потому что именно эта сила помогает нам жить.

Аличе смутилась: о чем это она?

— Сама подумай, — продолжила тетя. — Что ты чувствуешь, когда придумываешь истории? Ты счастлива?

— Да...

— Вот видишь! Зачем же бросать то, что делает нас счастливыми? По крайней мере, пока не...

Она осеклась и на миг помрачнела, словно хотела добавить что-то еще, но в итоге не стала и только спросила:

— А лет тебе сколько?

Аличе вскинула руку, растопылив пятерню, а на другой показала большой палец, как учил отец.

— Шесть!

— Читать-писать умеешь?

— Я даже еще в школу не хожу! — возмутилась Аличе: ей только в октябре предстояло пойти в первый класс. Похоже, подумала она, эта синьора не слишком-то хорошо разбирается в детях.

— Ну да, прости, — смутилась тетя Ирен. — Но как же тогда ты запоминаешь истории, которые придумываешь?

Аличе задумалась: как, спрашивается, это объяснить? Потом ткнула пухлым пальчиком в висок и гордо заявила:

— Они у меня все здесь.

— Вот молодчина!

— А ты свои как запоминаешь?

Тетя Ирен снова заговорщически улыбнулась.

— Я их рисую! — воскликнула она. И тут же исправилась: — Ну, раньше рисовала.

Тем вечером за ужином вся семья только об Ирен и говорила. Отец Аличе, обычно кроткий и молчаливый, узнав о неожиданном визите, вышел из своей привычной задумчивости и буркнул, что зря его не предупредили: он прекрасно помнил Ирен, было бы уместно хоть парой слов перекинуться.

— Ты же работал! Неужто бросил бы все и примчался? — вскипела Аделаида.

— Да уж нашел бы отговорку. Ладно, теперь-то что... — промямлил Микеле, уступая. Всерьез ругаться с женой он никогда не осмелился: в доме командовала она.

Микеле служил счетоводом в строительной компании и понимал, что начальство вряд ли разрешило бы ему уйти с работы в неурочный час без веской причины. Однако пропускать встречу, которая могла решительно повлиять на благосостояние семьи, было жаль. Он ссутулился и продолжил есть.

— Я доела, можно пойти поиграть? — спросила Аличе, сползая со стула.

— Что это у тебя? — вскинулся Гаэтано, удивительно зоркий для своих пяти лет.

Аличе непроизвольно спрятала руку за спину, но брат, опередив ее, успел выхватить блестящий предмет, зажатый в кулачке.

— Ну-ка отдай маме, — нахмурилась Аделаида, и Гаэтано неохотно протянул ей крошечную эмалевую бабочку в желтых, зеленых и синих пятнах. — Ты где это взяла?

— Я не взяла, мне тетя дала! — обиженно воскликнула Аличе.

— Конечно! Это же подвеска с браслета Ирен... Похоже, оторвалась, — проворчала Аделаида, не обращая внимания на слова дочери. Та разревелась. — А ну, не капризничать! Придержу пока у себя, мала ты еще для такого. Будешь хорошо себя вести — получишь, когда подрастешь, — заявила она непререкаемым тоном.

— И вовсе она не оторвалась! Тетя Ирен мне ее сама дала! Это подарок! — отчаянно всхлипывала Аличе.

Но никто и не думал ее слушать.

II

3 февраля 1990 года. Аличе, зевнув, извлекла из рюкзака дневник и принялась сверять номера страниц антологии с отрывком из Пирранделло, который ей предстояло изучить. Затем достала тетрадь для заметок и, прежде чем открыть книгу, немного поразглядывала обложку, украшенную бабочками самых разных форм и расцветок. Бабочек она любила с детства — с тех пор как тетя Ирен подарила ей крохотную подвеску с пестрыми эмалевыми крылышками. Хотя прошло уже двенадцать лет, Аличе то и дело вспоминала тетю, хотела снова увидеть ее, но желание это так и не сбылось. Когда Аличе расспрашивала о ней, мать резко отвечала, что, если учесть, насколько далеко Ирен живет, вряд она вернется в Полицию. Да и поговорить им удалось лишь однажды — декабрьским вечером, четыре года назад. Аличе тогда только перешла в старшую школу и была занята репетициями рождественской постановки по мотивам «Волшебника страны Оз». Поначалу она ужасно обрадо-

валась, что из всех учеников выбрали именно ее: когда еще выпадет такой шанс? Но потом все пошло наперекосяк.

Ирен звонила поздравить ее с днем рождения. Аличе была дома одна, так что они смогли поболтать. Этот разговор остался в ее памяти, словно фильм, который можно смотреть снова и снова. И не случайно, поскольку в тот вечер она открылась тете, поведав о чудовищной несправедливости: ей дали роль Страшилы! А ведь она так хотела сыграть если не Дороти, то хотя бы Добрую Волшебницу Севера! Просто кошмар: выставять себя всем на потеху в облике пугала, набитого соломой! За четырнадцать лет Аличе пережила уже немало обид — равнодушие одноклассников, бесправие в семье, — но сейчас ей пришлось столкнуться с самым горьким разочарованием. Излив душу, она призналась, что ненавидит эту новую школу, не имеющую ни малейшего отношения к тому, чем она на самом деле хочет заниматься, к ее сокровенным мечтам. Конечно, тетя Ирен была ей едва знакома, однако в единственную их встречу она показалась Аличе невероятно доброй, понимающей и великодушной: такой женщине вполне естественно открыть сердце.

— Мечты есть у всех, но лишь немногие хранят их в тайне, надеясь, как и мы, что они сбудутся, — ответила тетя. И едва слышно добавила: — «Тем, кто видит сны наяву, открыто